

УДК 81'37:81'367.625

UDC 81'37:81'367.625

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ГРУППЕ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

SEMANTIC DERIVATION IN THE GROUP OF MENTAL VERBS

Ю. Н. Трухан,
аспирант кафедры общего
и русского языкознания БГПУ

Yu. N. Trukhan,
Post-Graduate Student of the Department
of General and Russian Linguistics, BSPU

Поступила в редакцию 02.05.16

Received on 02.05.16

Рассматриваются вторичные нементальные лексико-семантические варианты, образованные от ментальных глаголов. Устанавливаются основные модели семантической деривации и лексико-тематическая принадлежность вторичных значений, приводятся структурные схемы полисемантических глаголов.

Ключевые слова: ментальные глаголы, лексико-семантический вариант, номинация, семантическая модель, структурная схема, русский язык, белорусский язык.

The secondary not-mental lexical-semantic variants derived from the mental verbs are considered in the article. The basic models of semantic derivation and lexical-thematic utensils of secondary values are established, the block diagrams of polysemantic verbs are presented.

Keywords: mental verbs, lexical-semantic variant, nomination, semantic model, block diagram, Russian, Belarusian.

Ментальные глаголы, от которых образуются лексико-семантические варианты (далее ЛСВ) нементальных существительных, составляют немногочисленную группу, что свидетельствует о непродуктивном действии обратной семантической модели и своеобразной «защищенности» ментального корпуса. Предварительно выявив и исследовав семантику рассматриваемых глаголов в двух близкородственных языках, нами была обнаружена определенная тенденция: от глаголов, принадлежащих разным ЛСГ по своему исходному значению, намного чаще развиваются вторичные ЛСВ ментальной сферы. Это подтверждается статистическими данными. Так, из общего количества проанализированных ментальных глаголов (более 400 л. ед.) около 350 являются полисемантическими, принадлежащими по исходному значению к ЛСГ глаголов физического действия, глаголов движения, глаголов, обозначающих различные физиологические процессы, глаголов восприятия и др., вторичные ЛСВ данных глаголов номинируют ментальную сферу. Около 40 глагольных единиц являются моносемантическими (непроизводными), то есть имеют исключительно прямое номинативное ментальное значение, и только 10 полисемантических ментальных глаголов выступают в роли первичного материала, источника, донора для формирования вторичных ЛСВ, принадлежащих разным ЛСГ.

Целью статьи является выявление в ЛСГ «ментальная деятельность» вторичных нементальных ЛСВ, а также определение круга их тематической принадлежности.

Материал был собран путем сплошной выборки из Словаря русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой и Толкового словаря белорусского языка : в 5 т. / под ред. К. К. Атраховича.

В данной статье под вторичной номинацией понимаются лексико-семантические варианты, которые образованы в результате переосмысления исходного значения глагола. При этом используется фонетический облик уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначения. По мнению В. Н. Телия, при вторичном использовании слов в новой для них функции называния возникает смысловая преемственность наименований, что приводит к многозначности словесных знаков. Отсюда следует, что появление вторичной номинации на лексическом уровне языковой системы свойственно значениям полисемантических глаголов. Еще М. В. Никитин отмечал, что именно в полисемантических словах «уживаются, сохраняя следы былых актов вторичной номинации, результаты качественно различных номинативных процессов, приводящих к образованию отдельных словесных значений – свободных или несвободных, фразеологически связанных, а также идиоматических сочетаний слов» [1, с. 110–111].

Независимо от сферы функционирования возникновение вторичных номинаций часто укладывается в границы типологических и универсальных моделей. Модель – «схема формирования метафорического значения, которая характеризуется единством тематической соотнесенности номинативных и переносных метафорических значений» [2, с. 37]. При этом следует учитывать, что при создании вторичных ЛСВ могут актуализироваться разные аналогии, ассоциативные связи и образные представления, которые позволяют закрепить за исходной и результативной сферами одновременно несколько разных связей, от наименее стабильных, индивидуально-авторских до устойчивых, зафиксированных в культурной традиции общества [3, с. 77]. Проиллюстрируем это на примерах.

Белорусскому глаголу *ведаць* в русском языке соответствуют два эквивалента *знать* и *ведать*. Толковые словари русского и белорусского языков сводят семантический объем этих глаголов к разному количеству значений, формирование которых идет в нескольких направлениях. В семантической структуре русского глагола *знать* насчитывается 6 ЛСВ, в семантической структуре белорусского *ведаць* – 7 ЛСВ. Значения, выступающие в функции вводных слов, не рассматриваются.

Первый, второй и четвертый ЛСВ в рус. *знать* (1. 'иметь сведения о ком-, чем-л.'; 2. 'обладать знанием чего-л., иметь специальные познания в какой-л. области'; 4. 'понимать, сознавать, отдавать себе отчет в чем-л.') и первый, второй, четвертый и седьмой ЛСВ в бел. *ведаць* (1. 'знаць што-н., мець уяўленне пра што-н.'; 1а. 'мець звесткі пра каго-, што-н.'; 2. 'мець веды, навыкі, умець рабіць што-н.'; 3. 'быць знаёмым з кім-н.'; 4. 'усведамляць, уяўляць; разумець' 7. 'памятаць, не забываць') объединяет интегрирующая сема 'осуществление различных видов ментальной деятельности'. В двух языках от исходного ЛСВ по модели «ментальная деятельность» → «осуществление знакомства» формируются третьи ЛСВ (3. 'быть знакомым с кем-л.'; 3а. 'узнавать, отличать от других') и (3. 'быть знакомым с кем-л.'; 3а. 'адрозніваць ад другіх'). В свою очередь, четвертый ЛСВ рус. *знать* реализует свой семантический потенциал в отражении двух нементальных значений (эмоционального и регламентирующего), которые образуются по семантическим моделям: «ментальная деятельность» → «эмоциональное состояние» (4ЛСВ→5ЛСВ),

«ментальная деятельность» → «нормативно-регламентирующая и социальная деятельность» (4ЛСВ→6ЛСВ).

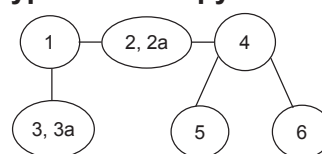
В бел. *ведаць*, кроме рассмотренного выше вторичного ЛСВ (как и в русском языке) образуются эмоциональный и управленческий (он свойствен только белорусскому языку). По модели «ментальная деятельность» → «эмоциональное состояние» (4ЛСВ→5ЛСВ) образуется пятый ЛСВ, а по модели «ментальная деятельность» → «деятельность управленческого характера» (2ЛСВ→6ЛСВ) – 6 ЛСВ.

Вторые ЛСВ рус. *знать* (2. 'обладать знанием чего-л., иметь специальные познания в какой-л. области'; 2а. 'уметь что-л. делать, владеть какими-л. навыками') и бел. *ведаць* (2. 'мець веды, навыкі, умець рабіць што-н.') характеризуются широкой смысловой соотнесенностью, предполагающей не только ментальное способности, но также умение и навыки практической деятельности. Безусловно, в словарях необходимо четкое разграничение таких ЛСВ, что отчасти сделано в рус. *знать* в виде отдельно выделенного оттенка. В белорусском языке, к сожалению, приводится общее синтетическое значение.

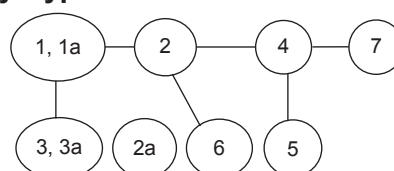
Семантическая структура русского глагола *ведать* представлена тремя ЛСВ, все ментальные значения которого являются устаревшими; и только один ЛСВ 'заведовать, управлять, распоряжаться чем-л.' дублирует шестой ЛСВ 'кіраваць, распараджаць кім-, чым-н.' белорусского глагола.

Смысловую структуру полисемантов рус. *знать*, *ведать* / бел. *ведаць* можно представить следующими схемами:

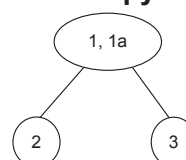
Структурная схема рус. глагола *знать*

Структурная схема бел. глагола *ведаць*

Структурная схема рус. глагола *ведать*

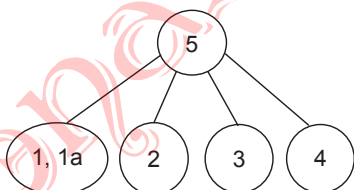
Выделяется блок глагольных единиц, в котором русскому *познать* соответствуют два белорусских эквивалента *пазнаць* и *ўведаць*. Семантическая структура бел. *пазнаць* включает пять ЛСВ, один из которых наиболее ярко и точно описывает ментальный процесс, остальные указывают на способность узнавать и дифференцировать что-либо, называют процесс познания и изучения, получения полного и истинного представления о ком-, чем-либо. Одно из значений связано с выражением внутреннего состояния человека. Первый и второй ЛСВ бел. *ўведаць* обозначают различные виды ментальной деятельности. Третий ЛСВ относится к числу синкретичных и включает ментально-эмоциональную и предупредительно-угрожающую семы. Четвертый ЛСВ ориентирован на выражение коммуникабельных способностей, навыков, умений человека.

Смысловая структура рус. *познать* состоит из одного ЛСВ (1. 'приобрести знание, получить истинное представление о ком-, чем-л.; постичь') и двух оттенков (1а. 'хорошо узнать, понять чей-л. характер'; 1б. 'испытать, пережить'), один из которых не выходит за пределы ментальной сферы, а второй включается в поле эмоционального состояния (см. схему).

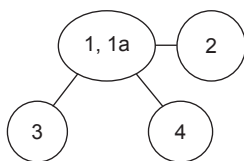
Структурная схема рус. глагола познать

Структурная схема бел. глагола пазнаць

Структурная схема бел. глагола ўведаць

В ряду рус. *понять*, *сообразить* и бел. *зразумець*, *уцяміць*, *сцяміць*, *скеміць* вторичные нементальные ЛСВ развились только у русского *сообразить*. Остальные глаголы

объединены интегральной семой 'осуществление различных видов ментальной деятельности', и переносный ЛСВ не фиксируется. В структуре рус. *сообразить* выделяется три ЛСВ (первый и его оттенок укладывается в семантический коридор ментальности). Вторичный ЛСВ (2. 'устроить, приготовить, быстро организовать что-л.') нацелен на практическую деятельность и акцентирует внимание на организованности, скорости проведения каких-либо действий. Третий ЛСВ (3. 'приводить в нужное соотношение, связь с чем-л.; сопоставлять') связан с первым и актуализирует семы, связанные с приведением в определенный порядок / в организованную связь каких-либо структурных частей. В нем также актуализируется сравнительно-сопоставительная сема, указывающая на умение сопоставлять факты, находить общее.

Смысловые структуры рус. *рассуждать* и бел. *разважаць* не равнозначны: в русском языке это один ЛСВ и его три оттенка, все они связаны с ментальной деятельностью и актуализируют такие признаки, как 'приводить доказательство, делать умозаключение, излагать свои мысли'. Кроме ментальных, в их структуре можно выделить ЛСВ речевого поведения, связанные с умением дискутировать, а также процессами обсуждения чего-либо, высказывания своих мыслей. В смысловом объеме белорусского глагола, в отличие от русского, выделяется первичный ментальный ЛСВ (1. 'супастаўляючы падзеі, паняцці і пад., мысліць, рабіць вывады; меркаваць, лічыць') и вторичный речемыслительный ЛСВ и его оттенок (2. 'Выказваць свае думкі, меркаванні, гаварыць аб чым-н.'; 2а. 'Доўга і падрабязна абмяркоўваць што-н.'). Структурная схема белорусского глагола предстала на схеме.

В соотносительной паре рус. *умудриться* и бел. *умудрыцца* более сложной представляется структура русского глагола, в которой фиксируется исходный ЛСВ (1. 'стать мудрым, разумным, научиться чему-л.') и вторичный ЛСВ с оттенком (2. 'изловчившись, суметь что-л. сделать'; 2а. 'сделать что-л. нежелательное, чего легко можно было бы избежать'). Его смысловая структура организована по принципу цепочечной полисемии, когда от первичного ментального значения образуется семантический дериват, указывающий на достижение чего-либо с помощью ловкости и хитрости. К выявленному значению также примыкает и его оттенок, отражающий нежелательную возможность осуществления практической деятельности.

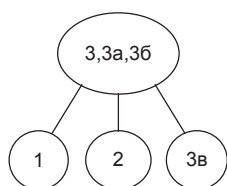
Смысловая организация белорусского глагола представлена по-другому по причине отсутствия ментальных ЛСВ. В структуре глагола *ўмудрыцца* отмечается только один ЛСВ (1. 'ухітрыцца зрабіць, ажыццявіць што-н., выйсьці з цяжкага становішча') и его оттенок (1а. 'зрабіць што-н. непажаданае, тое, чаго лёгка можна было б пазбегнуць'), дублирующий тот же оттенок русского глагола (2а. 'сделать что-л. нежелательное, чего легко можно было бы избежать').

Сложными являются смысловые структуры рус. *полагать* и бел. *меркаваць*. Они различаются семантическим строением и объемом значений. Русский глагол *полагать* включается в «семантический коридор» нежелательности образования ментальных ЛСВ, поэтому в его структуре в качестве исходных (первого и второго ЛСВ) выступают нементальные значения (в отличие от белорусского), которые нарушают принцип реализации модели «ментальная деятельность» → «ЛСВ, относящийся к иной ЛСГ».

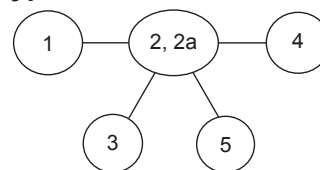
К чисто ментальному следует отнести третий ЛСВ и его два оттенка (3а. 'предполагать, намереваться сделать что-л.'; 3б. 'расценивать каким-л. образом, принимать за кого-, что-л.'). Третий оттенок (3в. 'усматривать, находить, видеть') выходит за пределы ментальной сферы и указывает на предположительность, умение предвидеть, усматривать что-либо в будущем.

Смысловое развитие белорусского глагола *меркаваць* укладывается в действие прямой семантической модели, включающей три ментальных ЛСВ и один оттенок (1. 'гаварыць, разважаць, абмяркоўваць што-н.; думаць' 2. 'рабіць якія-н. вывады, дапушчэнні, здагадкі' 2а. 'лічыць неабходным, найбольш магчымым, патрэбным' 4. 'ацэньваць якім-н. чынам, рабіць заключэнне'). Третий ЛСВ (3. 'мець намер, план') содержит сему «целенаправленность действия», отражающую проявление какого-либо планирования / намерения. В пятом ЛСВ выявлена сема, связанная с определением соответствия размера, пригодностью в носке. Реализация данного значения происходит по модели «ментальная деятельность» → «процесс примерки» (2ЛСВ → 5ЛСВ).

Структурная схема глагола *полагать*

Структурная схема глагола *меркаваць*

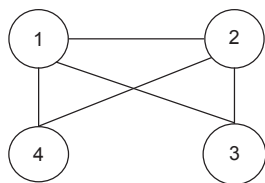

Как видно из представленных схем, между семантическим объемом русского и белорусского глаголов нет прямого соответствия. Толковые словари в семантической структуре рус. *постичь* фиксируют два ЛСВ, а в бел. *спасцігнуць* – три. В результате семантического преобразования в сравниваемых глаголах на базе исходного ЛСВ образованы вторичные, указывающие на вероятность, предположительность того, что может что-то произойти, совершиться. Названные вторичные ЛСВ образованы по семантической модели «ментальная деятельность» → «деятельность по предотвращению, предвидению чего-либо» (1ЛСВ → 2ЛСВ). Еще один вторичный ЛСВ (3. 'дагнаць') развивается от исходного в бел. *спасцігнуць*, в семантике которого выявлена сема перемещения. Реализация такого переноса осуществляется по модели «ментальная деятельность» → «процесс перемещения» (1ЛСВ → 3ЛСВ).

При сопоставлении полисемантов рус. *подумать* и бел. *падумаць* отмечается несоответствие их семантических структур. Семантический объем русского глагола шире соответствующего белорусского. В структуре рус. *подумать* фиксируется два взаимосвязанных ментальных значения (1. 'размышлять, предаваться раздумью' 2. 'прийти к какой-л. мысли, какому-л. мнению'). Третий ЛСВ (3. 'не счесть нужным что-л. сделать, предпринять и т. д.') указывает на находчивость человека, умение предпринимать что-нибудь в нужный момент. Четвертый ЛСВ (4. 'проявить заботу, интерес, внимание к кому-, чему-л.') ориентирован на внешнее выражение внутреннего состояния человека через заботу, внимание к окружающим. Этот ЛСВ носит социально-практический характер. Значения, выступающие в функции вводных слов и в повелительной форме, не рассматриваются.

Структура значений бел. *падумаць* представлена в более упрощенном виде. В нее входит только три ЛСВ, которые практически не выходят за ментальный диапазон (1. Зак. да думаць. 2. 'думаць некаторы час' 3. 'падумаеш у знач. выкл. 'ужываецца для выражэння іроніі і пад.'). При этом 3 ЛСВ дублирует 5 ЛСВ русского глагола.

Структурная схема глагола *подумать*

Проведенные исследования подтверждают факт о том, что вторичные ЛСВ, образованные по обратным семантическим моделям, в целевой сфере оказываются достаточно ограниченными по тематической направленности. На общем фоне все вторичные ЛСВ распределяются следующим образом:

1. Значения конкретных действий, умений и навыков, направленных на реализацию их в практической жизни человека. Безусловно, такие навыки и умения зависят от умственного развития и способностей, то есть умения наблюдать, сравнивать, анализировать.
2. Обозначение эмоционального состояния (внутреннего состояния человека) через вторичные ЛСВ. Взаимодействие исходных и вторичных ЛСВ подтверждают мысль, что мышление часто оказывает существенное влияние на индивидуальные особенности личности человека, в первую очередь это касается эмоционального состояния, психики, глубины сознания / подсознания, а также поведения и восприятия окружающего мира.
3. Значение речемыслительной деятельности вполне предсказуемо по причине никем неоспариваемой истины – связи

языка и мышления. Ведь умственная деятельность в большинстве случаев осуществляется посредством языка, а случаев, когда человек мыслит посредством образов (музыкальных, цветовых и др.) не так много.

4. Группа предположения ближе всего связана с ментальными глаголами. В ней, как и у ментальных глаголов, практически отсутствует перцепция. Планирование носит абстрактный характер и лишь в отдельных случаях оно выявляется в конкретных формах.
5. Ментальные глаголы могут сопровождаться указаниями на конкретные действия, связанные с социальными институтами и организациями, личностными отношениями: это соблюдение норм, правил, установленного регламента, а также сочувственное отношение к другим людям.

Имеющиеся различия, касающиеся смыслового объема глаголов, формального выражения в сравниваемых языках, наличия / отсутствия соответствующего значения или коннотативной окраски какого-либо ЛСВ в одном из сравниваемых языков, а также тематической направленности вторичных ЛСВ, объясняются тем, что каждый из языков развивался и развивается по своим внутренним законам и имеет специфические особенности в лексико-семантической системе языка. Какой-либо регулярности и типовой представленности соотношений русских и белорусских глаголов не выявляется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1999.
2. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова. – Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.
3. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Выд-ва «Бел. сав. энцыклапедыя», 1977–1984.

REFERENCES

1. Nikitin, M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki / M. V. Nikitin. – SPb. : Nauch. Tsentr problem dialoga, 1999.
2. Rezanova, Z. I. Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: idei, metody, resheniya / Z. I. Rezanova. – Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2010. – № 2. – S. 73–94.
3. Baranov, A. N. O tipakh sochetayemosti metaforicheskikh modeley / A. N. Baranov // Voprosy yazykoznanija. – 2003. – № 2. – S. 73–94.

LEXICAGRAPHIC SOURCES

1. MAS: Slovar russkogo yazyka: v 4 t. / gl. red. A. P. Yevgenyeva. – M. : Rysskiy yazyk, 1981–1984.
2. Tlumachalny slounik belaruskay movy: u 5 t. / pad red. K. K. Atrakhovicha. – Minsk : Vyd-va "Bel. sav. entsykladedyya", 1977–1984.